

Проблемы реализации принципа правовой определенности в рамках проверочной судебной деятельности в цивилистическом процессе

С. И. Князькин

Российский государственный университет правосудия,
Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, 69

Для цитирования: Князькин, Сергей И. 2020. «Проблемы реализации принципа правовой определенности в рамках проверочной судебной деятельности в цивилистическом процессе». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 2: 319–341. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.205>

В статье исследуются проблемы доктринальных подходов и практической реализации принципа правовой определенности на стадии проверки судебных актов в гражданском, арбитражном и административном процессе. Принцип правовой определенности был воспринят отечественной системой судопроизводства с вступлением России в Совет Европы. Развитие данного принципа нашло продолжение в оценке Европейским судом по правам человека эффективности проверочных судебных инстанций в гражданском, арбитражном и административном процессе. Критерии соблюдения правовой определенности вступили в противоречие с необходимостью исправления ошибочных судебных актов как главной целью проверочной судебной деятельности. На национальном уровне расширение сферы применения принципа правовой определенности повлекло ограничение процессуальных режимов сначала надзорной, а затем и кассационной судебной инстанции. Подобная ситуация создает возможность игнорирования судебных ошибок лишь на основании вступления обжалуемого судебного акта в законную силу. Для решения данного противоречия анализируются отечественные условия проверочной судебной деятельности, включая пересмотр вступивших в силу судебных постановлений. Сегодня отечественная проверочная судебная деятельность носит срочный характер, который исключает неопределенный по времени пересмотр вступивших в законную силу судебных актов: осуществление такого пересмотра происходит в рамках единого цикла, предполагающего жесткие сроки обращения с жалобой и ее рассмотрения. Проверка судебных актов в любой стране Совета Европы, включая Российскую Федерацию, предназначена для исправления существенных судебных ошибок, т. е. только таких, которые повлияли на правильное разрешение дела по существу и лишь по инициативе лиц, участвующих в деле. С учетом этих обстоятельств делается вывод о неприменимости принципа правовой определенности как при оценке эффективности всей системы проверки судебных актов или ее отдельных процессуальных средств, так и при пересмотре судебными инстанциями вступивших в законную силу судебных постановлений.

Ключевые слова: правовая определенность, существенные судебные ошибки, апелляционная инстанция, кассационная инстанция, надзорная инстанция, процессуальный режим, дискреционные полномочия, инстанционные способы проверки.

1. Введение

Участие России в Совете Европы на протяжении более чем 20 лет существенно преобразило отечественное судопроизводство, цивилистическую процессуальную форму и судебную проверочную деятельность. Спустя два десятилетия система проверки судебных актов кардинальным образом изменилась, в том числе под влиянием европейско-правовых стандартов правосудия. Один из таких стандартов — принцип правовой определенности. В отношении правосудия по гражданским делам в целом он носит специальный характер, но по отношению к проверке судебных актов является одним из базовых критериев оценки эффективности судебных проверочных инстанций.

Принцип правовой определенности требует переоценки не только в силу изменившихся условий — основательного преобразования судебной проверочной деятельности, трансформации правовой природы судебных звеньев и инстанций в последние десятилетия, — но и по причине его искаженного понимания российскими судами, а также в связи с необходимостью анализа составных элементов правовой определенности на предмет их состоятельности. Актуальность проблемы определяется еще и тем, что культивирование принципа правовой определенности привело к поступательному законодательному ограничению процессуальных режимов всех проверочных инстанций, в особенности кассационной и надзорной. Такой характер изменений привел к формализации проверочной судебной деятельности и увеличению риска игнорирования судебных ошибок, повлиявших на правильное разрешение дела по существу.

Данное исследование представляется актуальным вне зависимости от перспектив дальнейшего сотрудничества России и Совета Европы, поскольку верховенство права, являясь составной частью конституционного права на судебную защиту, включает в себя и принцип правовой определенности (Нешатаева, 2007; Заключение № 17 (2014) Консультативного совета европейских судей «Об оценке работы судей, качества правосудия и соблюдения принципа независимости суда» (ССЈЕ(2014)2). Принято г. Страсбурге 24.10.2014); Постановление Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) от 25.07.2002 по делу «Компания «Совтрансавто Холдинг» (Sovtransavto Holding) против Украины», жалоба № 48553/99. Здесь и далее все ссылки на нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 15 января, 2019. <http://www.consultant.ru>). Принцип правовой определенности выработан не только практикой ЕСПЧ, но и отечественными судами, в том числе Конституционным судом РФ, в связи с чем решение проблем понимания и применения элементов правовой определенности в отношении судебной проверочной деятельности является универсальным.

2. Основное исследование

Европейский суд по правам человека в серии постановлений выработал понятие и элементы принципа правовой определенности в отношении проверки судебных актов по гражданским, экономическим и административным делам. Правовая определенность выступает одним из фундаментальных аспектов верховенства пра-

ва, которое, в свою очередь, является необходимым условием справедливого судебного разбирательства (Постановление ЕСПЧ от 25.07.2002 по делу «Компания “Совтрансавто Холдинг” (Sovtransavto Holding) против Украины», жалоба № 48553/99).

Под правовой определенностью понимается уважение принципа *res judicata* — недопустимости пересмотра однажды разрешенного дела, невозможности ни одной из сторон требовать окончательного и вступившего в законную силу судебного постановления только для повторного слушания и получения другого судебного постановления (Постановление ЕСПЧ от 24.07.2003 «Дело “Рябых (Ryabukh) против Российской Федерации”», жалоба № 52854/99).

Пересмотр не должен рассматриваться как замаскированное обжалование, и одна лишь возможность наличия двух взглядов по делу не может служить основанием для пересмотра (Постановление ЕСПЧ от 18.11.2004 «Дело “Праведная (Pravednaya) против Российской Федерации”», жалоба № 69529/01).

Вмешательство вышестоящего суда по пересмотру судебного акта, по мнению ЕСПЧ, допускается в целях исправления судебных ошибок, неправильного отправления правосудия, а не пересмотра судебных актов по существу. Европейский суд допускает отступление от этого принципа только в случаях существенного и непреодолимого характера (Постановления ЕСПЧ от 28.10.1999 «Дело “Брумареку (Brumarescu) против Румынии”», жалоба № 28342/95; от 24.07.2003 «Дело “Рябых (Ryabukh) против Российской Федерации”», жалоба № 52854/99). К подобным обстоятельствам наднациональный судебный орган относит серьезные нарушения норм процессуального права или злоупотребление полномочиями.

Конституционный суд РФ исследует правовую определенность в совокупности с принципом равенства, которые вместе призваны образовывать общий баланс конституционно-правовых ценностей (Постановления Конституционного суда РФ от 16.03.2017 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений п. 2 ч. 2 ст. 30 и п. 1 ч. 3 ст. 31 Уголовно-процессуального кодекса РФ, ч. 2 ст. 57 и ч. 2 ст. 59 Уголовного кодекса РФ в связи с жалобой гражданина В. Д. Лабусова»; от 25.02.2016 № 6-П «По делу о проверке конституционности п. 1 ч. 3 ст. 31 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с жалобой гражданки А. С. Лымарь»).

Некоторые постановления Конституционного суда РФ рассматривают правовую определенность в качестве компонента принципа равноправия, относя также к его составным частям единообразное применение и толкование законов (Постановление Конституционного суда РФ от 16.04.2015 № 8-П «По делу о проверке конституционности п. 3 ч. 1 ст. 26 Федерального закона “Об оружии” в связи с жалобой негосударственного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования “Учебно-технический центр “Кольчуга”»). Тем не менее европейско-правовое понимание правовой определенности как одного из критериев эффективности проверочной судебной деятельности в целом и конкретных инстанционных способов пересмотра судебных актов в частности, дополненное пониманием Конституционного суда РФ, обладает рядом недостатков, не связанных с текущим состоянием проверки судебных актов и не отвечающих ее универсальной цели по исправлению судебных ошибок.

Правовая определенность связывается с окончательностью судебного акта. В свою очередь, критерием окончательности судебного постановления является факт его вступления в законную силу. Поэтому правовые позиции ЕСПЧ, связан-

ные с соблюдением правовой определенности, адресованы прежде всего проверочным инстанциям, преодолевающим законную силу судебных актов, т.е. судам кассационной и надзорной инстанции. Ограничений деятельности апелляционной инстанции в виде необходимости соблюдения принципа правовой определенности нет. Напротив, апелляционная инстанция рассматривается в качестве крайне необходимого инструмента контроля за любым решением суда первой инстанции, отсутствие которого должно основываться на законе и соответствовать общим принципам справедливости (Рекомендация Комитета министров Совета Европы № R (95) пяти государствам-членам относительно введения в действие и улучшения систем и процедур обжалования по гражданским и торговым делам. Дата обращения: 10 января, 2019 года. http://businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_43424.html). В связи с этим целесообразен анализ правовой определенности, в том числе как ограничителя проверочной деятельности судов кассационной и надзорной инстанции.

Сомнения в состоятельности вызывает в первую очередь сама дефиниция правовой определенности, закрепленная в пилотном постановлении «Рябых против России», запрещающая пересмотр однажды разрешенного дела, окончательного и вступившего в законную силу судебного постановления только для повторного слушания и получения другого судебного постановления.

Факт вступления судебного постановления в законную силу ЕСПЧ рассматривает в качестве важнейшего обстоятельства, позволяющего приступить к исполнению данного судебного акта, получив присужденное по суду (т.е. законное ожидание) и тем самым реально реализовав право на судебную защиту.

Опасность обмана законных ожиданий имеет место, когда, по мнению ЕСПЧ, любые ошибки и упущения устраняются посредством не обычных средств обжалования (например, апелляции), а чрезвычайных способов. В качестве признака чрезвычайности рассматривается возможность соответствующей инстанции преодолеть законную силу судебного акта (Постановления ЕСПЧ от 02.11.2006 «Дело “Нелюбин (Nelyubin) против Российской Федерации”», жалоба № 14502/04; от 18.01.2007 «Дело “Кот (Kot) против Российской Федерации”», жалоба № 20887/03).

Несмотря на то что указанные постановления касались прежнего надзорного производства с множественностью его инстанций, данная правовая позиция сохраняет актуальность, поскольку и сегодня Совет Европы призывает национальные власти использовать ординарные средства исправления судебных ошибок, т.е. те, которые не преодолевают законную силу судебных актов.

Совпадение таких свойств судебного акта, как законная сила, итоговый характер и окончательность, имеется не всегда: решение суда первой инстанции, которое не обжаловано во вторую инстанцию и вступило в законную силу, представляет идеальный вариант для правовой определенности. Однако такая ситуация наблюдается далеко не по всем делам: значительная часть судебных актов обжалуется в проверочные инстанции. Например, в 2017 г. арбитражные апелляционные суды приняли к производству 320 263 дела, что составляет 18,32 % от общего количества дел, рассмотренных арбитражными судами субъектов РФ. В свою очередь, первая кассационная инстанция в лице арбитражных судов округов приняла к производству 101 321 дело, что составляет 31,63 % от общего количества дел, принятых к производству арбитражными апелляционными судами (Сводные отчеты о рабо-

те арбитражных судов субъектов РФ, арбитражных апелляционных судов и арбитражных судов округов. 2017. Дата обращения 10 января, 2019. <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4430>). Известно, что тройная система судебных инстанций, последней из которых выступает кассационная, характерна для большинства стран Центральной и Западной Европы. Тогда апелляционная инстанция действительно функционирует как основное средство исправления судебных ошибок, вступившие в законную силу акты которой являются как итоговыми, так и окончательными.

Система судов общей и арбитражной юрисдикции определяется наличием в совокупности пяти судебных инстанций, четыре из которых выполняют проверочные функции. Основываясь на европейско-правовых критериях проверочной деятельности, следует утверждать, что итоговым и окончательным судебным постановлением по делу призван быть акт апелляционной инстанции, пересмотр которого кассацией возможен в редких и исключительных случаях. Однако такой вывод формален и не оставляет другого выбора, как признать ненужность по крайней мере двух проверочных инстанций.

Современное количество отечественных судебных инстанций — результат обобщения имперской и советской моделей судебного устройства, в основе каждой из которых лежало множество сопутствующих факторов: территориальное устройство государства, преобладавший в то время характер рассматриваемых споров, а также правовая идеология, которая, например, отвергала апелляцию как буржуазный пережиток и декларировала целесообразность концентрации внимания суда на законности судебных постановлений в масштабах всей страны. В частности, это предопределило создание судебного надзора и последующее придание ему процессуального характера (Васьковский 1913, 224–225; Банченко-Любимова 1959, 12–14).

Формальный характер законной силы судебного акта как критерия соблюдения правовой определенности подтверждается выдвиганием необоснованной презумпции безошибочности правосудия если не первой, то по крайней мере второй судебной инстанции. При такой модели обращение в третью инстанцию действительно видится чрезвычайным. Однако за внешними признаками данного подхода необходимо усматривать объективные факторы, которые ему предшествуют.

Презумпция правильности вступившего в силу судебного акта применима в условиях юрисдикций западноевропейских стран, имеющих устоявшиеся традиции правосудия, не обремененные общественными потрясениями и коренными изменениями, через которые российское судопроизводство проходило несколько раз в течение одного столетия.

В современной отечественной действительности деятельность не только апелляционной, но и порой кассационной инстанции сложно рассматривать как безошибочную (Жуйков и др. 2003). Речь не идет о создании проверочной судебной модели, при которой стороны будут бесконечно ходить по кругу со своим спором. Однако их нельзя искусственно выдавливать из проверочных инстанций со ссылкой на презумпцию правильности однажды разрешенного дела.

В отношении российской модели проверки судебных актов рекомендации и выводы о целесообразности трехзвенной системы судебных инстанций и необходимости останавливать проверочную деятельность по общему правилу во второй инстанции представляются преждевременными. Это косвенно подтверждают данные не только о количестве измененных или отмененных судебных актов вы-

сокими инстанциями, но и о характере судебных ошибок. Нередки случаи, когда предпоследняя и последняя инстанции вынуждены не развивать право, а обращать внимание нижестоящих судов на грубые нарушения норм процессуального права или просто негодное состояние собранных по делу доказательств. Например, даже надзорная инстанция вынуждена реагировать на нарушение правил подсудности и несоответствие выводов нижестоящего суда о наличии вновь открывшихся обстоятельств фактическим обстоятельствам дела, на ошибочную квалификацию спорных правоотношений, изменение которой невозможно без вмешательства в вопросы факта (Постановления Президиума Верховного суда РФ от 30.11.2016 № 11ПВ16 и № 14ПВ16; от 16.01.2019 № 303-ПЭК18).

Подобная ситуация возникает в условиях работы второй кассационной и надзорной судебных инстанций далеко не на полную мощность и с активным использованием механизма фильтрации жалоб. Например, второй кассационной инстанцией в лице Судебной коллегии по административным делам за 2018 г. из 7387 поданных кассационных жалоб по существу рассмотрены 288 административных дел. Соотношение поданных жалоб и рассмотренных по существу дел в Судебной коллегии по гражданским делам еще красноречивее: 78 205 и 995, а в Судебной коллегии по экономическим спорам — 34 003 жалобы и 541 дело, рассмотренное по существу.

Суд надзорной инстанции за аналогичный период из 828, 195 и 405 поступивших жалоб по гражданским, административным и экономическим делам соответственно рассмотрел по существу одно дело каждой категории (Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном суде РФ административных, гражданских дел, дел по рассмотрению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел в 2018 г. *Официальный сайт Верховного суда РФ*. Дата обращения 10 января, 2019. <http://www.vsrfr.ru/documents/statistics/27651/>).

Сам факт исправления существенных ошибок второй кассацией или судом надзорной инстанции говорит об отсутствии гарантий правосудности решения по делу даже после трех инстанций. Косвенно это подтверждается высокой долей дел, по которым кассационная инстанция, отменяя судебный акт, направляет дело на новое рассмотрение. Это свидетельствует об ошибках в вопросах факта, ненадлежащем составе лиц, участвующих в деле, т. е. о нарушениях, которые не способен самостоятельно устранить суд кассационной инстанции и игнорирование которых не позволит говорить не только об обеспечении единства судебной практики, но и о законности подобных постановлений. Представляет интерес статистика деятельности арбитражных судов округов и Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ. Из 6656 дел, по которым кассационными инстанциями отменены судебные акты, 4274 дела направлены на новое рассмотрение. При этом по 2446 делам кассацией обнаружено несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела, т. е. нарушения в вопросах факта. В то же время собственно кассационный повод для вмешательства в дело (т. е. неправильное применение норм материального права) обнаружен по 2666 делам (Сводный отчет о работе арбитражных судов округов в I полугодии 2018 г. Дата обращения 10 января, 2019. <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4757>).

В таких условиях попытка ограничить проверочные полномочия или доступность проверочных инстанций, преодолевающих законную силу судебных актов,

потворствует игнорированию ошибок и замораживанию проблем, важных не только для участников процесса, но и для всей ветви судебной власти. Небольшое количество дел, рассмотренных по существу кассационной и надзорной инстанциями, не говорит об отсутствии ошибок, которые требовали исправления.

Благие намерения восприятия западноевропейского опыта оборачиваются созданием системы, которая не в состоянии фильтровать откровенно некачественные судебные акты. Этому не способствует не только урезание процессуальных режимов судов проверочного уровня, но и придание инстанциям, осуществляющим проверку судебных актов, малодоступного характера. Последняя тенденция, которая наблюдается последние два десятка лет, только усугубляет ситуацию.

Еще совсем недавно не подвергалось сомнению право надзорной инстанции проверять обоснованность судебных актов (Олегов 1999, 8; Трубников 1997). Двадцать лет назад обосновывалась необходимость сохранения полноценной проверки вступивших в законную силу судебных постановлений в порядке надзора на предмет как их законности, так и обоснованности, в том числе по причине неразрывной связи этих двух качеств судебного решения (Лесницкая 1999).

Сейчас значительная часть представителей доктрины вынуждена отстаивать право переоценки доказательств судом кассационной инстанции и безусловно-го сбора новых доказательств апелляцией, противодействуя тезису о том, что вся доказательственная деятельность должна заканчиваться в суде первой инстанции (Опалев 2009; Нечаев и др. 2008; Фурсов и Харламова 2009, 500). Ограничительная закономерность, которая существует в значительной степени под влиянием принципа правовой определенности, состоит в принудительном ограничении доказывания как в пространстве, т. е. во все меньшем количестве судебных инстанций, так и во времени — ограничении полномочий сторон по представлению доказательств сроком, установленным судом или наличием уважительных причин непредставления подобных доказательств ранее. В связи с этим принцип правовой определенности играет пагубную роль, формируя ограничительный подход в проверочной деятельности и не решая задачу исправления каждой существенной судебной ошибки.

Факт преодоления законной силы судебного акта в отечественных реалиях также не определяет чрезвычайный характер кассационной и надзорной инстанций. Напротив, в современных условиях законная сила обжалуемого судебного постановления носит условный характер по многим объективным причинам, возникшим не в последние годы.

Отечественный цивилистический процесс содержит множество исключений из общего порядка вступления в силу и обжалования судебных актов. Существуют категории дел, по которым апелляционное обжалование не предусмотрено, действует прямая кассационная проверка актов первой инстанции. К таким делам, например, относятся споры, рассматриваемые Судом по интеллектуальным правам, дела приказного производства, дела, связанные с содействием деятельности третейских и иностранных судов.

Кроме того, судебные акты по многим категориям дел подлежат немедленному исполнению: судебные решения, выносимые по результатам некоторых разновидностей корпоративных, административных споров, дел упрощенного производства, социальных споров. Даже решение, принятое в общем порядке, по ходатайству стороны может быть исполнено немедленно. Поэтому наличие и активное

использование ординарного способа устранения судебных ошибок в лице апелляции формально нарушает правовую определенность. В случае отмены такого исполненного решения потребуются поворот его исполнения, что негативно повлияет на получение законных ожиданий одной из сторон. Буквальное следование принципу правовой определенности означает фактически исключение любого контроля со стороны проверочных инстанций за судебными актами по данным делам, что в очередной раз подтверждает вывод о формализованном характере этого европейско-правового принципа.

Взаимосвязанным фактором, определяющим национальную систему проверки судебных актов, является уровень правового сознания и правовой культуры обычных граждан и представителей судейского сообщества. Правовое сознание общества предопределяет характер правосудия, а применительно к проверочной судебной деятельности — качество и количество допускаемых судом ошибок, требующих исправления. Уровень правовой культуры заведомо определяет качество правосудия в первой инстанции и, следовательно, необходимую меру вмешательства проверочных инстанций.

Исследователи отмечают разный уровень общественного сознания России и стран Центральной и Западной Европы, на опыт осуществления правосудия которых часто ссылаются. Показатели общественного сознания в ведущих странах Европейского союза превышают показатели России в полтора-два раза (Фурсов 2013, 63). Только длительный естественный процесс формирования основы для роста правового сознания и правовой культуры как частей общественного сознания позволит прийти к системе проверки судебных актов, при которой обращение в высокие судебные инстанции будет признаваться избыточным. Это не достигается путем поспешного и прямого копирования зарубежных моделей с отсроченной ликвидацией негативных последствий подобных рецептов для отечественного судопроизводства. В современных российских условиях потребность всех проверочных судов в более энергичном процессуальном контроле, чем за рубежом, сохраняется и еще сохранится в течение длительного времени.

Ошибочной представляется позиция ЕСПЧ, согласно которой пересмотр не может быть скрытой формой обжалования, а наличие двух точек зрения по одному вопросу — основанием для пересмотра (Постановления ЕСПЧ от 24.07.2003 «Дело “Рябых (Ryabykh) против Российской Федерации”», жалоба № 52854/99; от 07.06.2007 «Дело “Кузнецова (Kuznetsova) против Российской Федерации”», жалоба № 67579/01). Действительно, наличие двух точек зрения само по себе не служит основанием для пересмотра, но может сигнализировать о предполагаемом наличии судебной ошибки, в связи с чем данное предположение требует проверки со стороны соответствующей судебной инстанции.

Наличие двух точек зрения, отраженное в жалобе, выступает таким же поводом для привлечения внимания проверочной инстанции, как и несогласие вышестоящей судебной инстанции с выводами, сделанными нижестоящими судами, поскольку подобное несогласие может быть результатом существенных нарушений и фундаментальных ошибок, наличие которых, по мнению ЕСПЧ, представляет достаточное основание для отступления от принципа правовой определенности (Постановление ЕСПЧ от 18.01.2007 «Дело “Кот (Kot) против Российской Федерации”», жалоба № 20887/03).

В связи со сказанным представляется ложным вывод судов о том, что любая иная точка зрения вышестоящей инстанции на то, как должен быть разрешен спор, не рассматривается как повод для изменения или отмены постановления нижестоящего суда (Определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РФ от 08.12.2015 № 83-КГ15-16; от 28.06.2016 № 32-КГ16-7; Определение Верховного суда РФ от 31.07.2018 № 5-КГ18-99). Наоборот, иная точка зрения проверочного суда, основанная на ином толковании применимых норм права, иной квалификации спорных правоотношений или иной оценке доказательств, направленная на исправление судебных ошибок, должна быть отражена в новом судебном постановлении. Каждая из проверочных инстанций — не сторонний эксперт, привлекаемый к разрешению спора, а стороны не нуждаются в коллекционировании мнений различных инстанций относительно рассматриваемого дела, поскольку возможен лишь единственно правильный вариант его разрешения по существу.

Противоречие выводов судебных инстанций в отношении одного и того же спора — не вина сторон и не следствие обжалования ими судебных постановлений. Этот факт может сигнализировать об отсутствии единого подхода к разрешению заявленных суду требований. В такой ситуации востребованность вмешательства высоких проверочных инстанций еще более очевидна.

Придание Европейским судом пересмотру, нарушающему правовую определенность, скрытого характера основано на принципиально неверном понимании пределов правомерного осуществления сторонами процессуальных прав и злоупотребления ими. Необходимо учитывать формальный и содержательный критерии оценки правомерности процессуального поведения. Формальный критерий позволяет утверждать, что любые процессуальные действия, любое поведение лица, участвующего в деле, правомерны, если совершены в пределах процессуального закона и в соответствии с ним (Фурсов и Харламова 2009, 149).

Суду следует исходить из презумпции правомерности поведения участника процесса, а не обосновывать свои суждения о злоупотреблениях предположениями и догадками, чтобы сделать вывод о мотивах поведения стороны, добросовестности ее действий.

Многочисленные исследования проблем злоупотребления процессуальным правом всегда заканчиваются формулированием перечня ситуаций, отражающих подобное злоупотребление (см., напр.: Юдин 2006; Тарасов 2018; Рехтина и Боловнев 2014). Но во всех случаях у этих суждений есть существенный недостаток: любые действия участников процесса допускаются процессуальным законом, а вывод об их виновном характере делается только исходя из того, что они увеличивают срок рассмотрения дела или направлены на отсрочку исполнения судебного акта, вступившего в законную силу (Подшивалов 2014).

Поэтому даже кажущееся сокрытие одной из сторон значимых для дела доказательств и обстоятельств, обнаруженное высокой судебной инстанцией, не может признаваться так называемым завуалированным обжалованием и нарушением принципа правовой определенности. Для того чтобы отечественная модель естественным путем пришла к отсутствию необходимости исследования вопросов факта при пересмотре вступивших в силу судебных актов, необходимо как минимум отказаться от условного характера доказывания в суде апелляционной инстан-

ции, а не придавать процессуальному режиму апелляции все более ограниченный характер.

Дополнительный аргумент в пользу подобного вывода — судебное руководство процессом, определяющее предмет доказывания и все необходимые процессуальные действия, которые надлежит совершить сторонам. Игнорирование этой обязанности судом первой и проверочных инстанций влечет существенные судебные ошибки, оставление в силе большого количества некондиционной судебной практики. Недопустим различный подход проверочной инстанции к судебным ошибкам в зависимости от того, по чьей вине они совершены. В противном случае правосудие отдалается от принятия не только от справедливого, но и от законного и обоснованного судебного решения.

Отечественная судебная практика идет по пути расширения перечня критериев нарушения правовой определенности, которые в очередной раз обосновываются необходимостью предупреждения злоупотреблений процессуальными правами. Подобное расширение всегда влечет ограничение проверочных полномочий. Например, нарушением принципа правовой определенности признается банальная реализация одного из кассационных полномочий по направлению дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции, поскольку, по мнению второй кассационной инстанции, это предоставит ответчику необоснованную возможность реализовывать процессуальные права в полном объеме, которыми он не воспользовался в ходе первого рассмотрения дела (Определение Верховного суда РФ от 30.05.2017 по делу № 304-ЭС16-15347, дело № А75-11917/2014. Дата обращения 6 апреля, 2020. <https://sudact.ru/vsrif/doc/l6vNlyGPO7lR/>).

Решение проблемы увеличения продолжительности судебного разбирательства из-за дополнительных распорядительных действий сторон давно предусмотрено законом и лежит не в плоскости ограничений судом процессуальной деятельности участников процесса, которая может способствовать исправлению допущенных ошибок и правильному разрешению спора, а в плоскости перераспределения судебных расходов по результатам рассмотрения дела. Такой подход представляется более справедливым, чем квалификация любого поведения стороны как противоправного и требующего ответственности, в том числе в форме ограничения обращения по вопросам факта в судебные инстанции, преодолевающие законную силу судебных постановлений.

Содержательный аспект оценки правомерности процессуального поведения состоит в том, что наличие у стороны законного права выбора по своему усмотрению множества вариантов поведения необходимо рассматривать не как предпосылку для злоупотреблений, а как проявление диспозитивного и состязательного характера процессуальной формы. Не следует по-разному относиться к диспозитивности и состязательности в первой и проверочных инстанциях и иметь в виду только интересы суда и его нагрузки. При рассмотрении дела первой инстанцией состязательность и диспозитивность активно эксплуатируются с целью обоснования пассивного поведения суда в доказывании и оправдании ошибочности принятых судебных решений в вопросах факта. В то же время на стадии проверки судебных актов стороны испытывают порицание за то, что они подают кассационные и надзорные жалобы, распоряжаясь процессуальными средствами защиты своих прав по своему усмотрению и чаще всего добросовестно рассматривая обжалуемый акт

как порочный. Данное правомерное поведение ошибочно квалифицируется как злоупотребление процессуальным правом и нарушение правовой определенности, что противоречит универсальным свойствам цивилистической процессуальной формы. Кроме того, у лиц, участвующих в деле, порой нет никакой другой возможности, кроме как поступательно обращаться в проверочные судебные инстанции.

В связи с этим лицу, подающему жалобу, например, во вторую кассационную или надзорную инстанцию, нет смысла скрывать свое намерение добиться пересмотра дела, если предыдущие судебные инстанции проигнорировали судебную ошибку, в том числе тривиальную неустановленность значимых для дела обстоятельств, повлекших неправильное рассмотрение дела по существу. Имеет смысл скрывать неправомерное поведение, а реализация права на обжалование даже вступившего в силу судебного постановления противоправным поведением не является.

Допущенная ошибка факта, например неназначение судом первой инстанции экспертизы, проигнорированная апелляцией, не изменит свой характер, дойдя до судов кассационной и надзорной инстанции, чтобы соответствовать тем специальным целям проверки законности и развития права, которые поставлены перед ними законом. Поэтому подобные жалобы, даже если они сигнализируют о нарушениях, влекущих пересмотр дела в полном объеме, не следует отклонять лишь по причине отсутствия компетенции у кассации и надзора. Очевиден вывод о необходимости принципиальной возможности реагирования на ошибки факта любой инстанцией и их последующее исправление, а также вывод о нецелесообразности приведения доводов жалобщика в соответствии с относительно узкими основаниями изменения или отмены судебных актов в порядке кассации и надзора.

Несовпадение доводов кассационной или надзорной жалобы с установленными законом основаниями кассационной или надзорной проверки не должно квалифицироваться как злоупотребление правом на обжалование, а принятие такой жалобы к производству — как нарушение принципа правовой определенности. Важна не скорость правосудия, а его качество. Не является виной стороны ситуация, при которой ошибочно рассмотренное дело доходит до высоких судебных инстанций, а нарушения исправляются на поздних стадиях процесса.

Предотвращение необоснованного пересмотра вступивших в силу судебных актов Совет Европы рекомендует среди прочего достигать тем, что от лица, обращающегося в суд третьей и последующих инстанций, требуется указывать на то, чем его жалоба будет способствовать развитию права или какой интерес она будет представлять для всего общества (Рекомендация Комитета Министров Совета Европы № R (95) пяти государствам-членам относительно введения в действие и улучшения систем и процедур обжалования по гражданским и торговым делам. Дата обращения 10 января, 2019. http://businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_43424.html). Этот тезис поддержал ЕСПЧ. Условия приемлемости для рассмотрения по существу жалобы по вопросам права или жалобы в вышестоящий суд могут быть более строгими, чем для обычной жалобы (Информация о решении ЕСПЧ от 21.01.2014 по делу «Валчев и другие (Valchev and Others) против Болгарии», жалобы № 47450/11, 26659/12 и 53966/12).

Действительно, лицо, участвующее в деле, должно конкретизировать доводы, по которым оно полагает обжалуемый акт ошибочным; но, во-первых, оно обладает правом свободного стиля изложения жалобы, а во-вторых, не следует подменять

аналитическую работу суда по выявлению предполагаемых нарушений обязанностью жалобщика провести вместо суда подобную предварительную аналитическую работу. Жалоба лица — лишь повод для судебной проверки, но не готовый результат, проект судебного акта, который проверочная инстанция примет по результатам такой проверки.

Кроме того, высокие аналитические требования к жалобам в суды кассационной и надзорной инстанции следует предъявлять при наличии адекватных гарантий профессионального судебного представительства, в том числе на безвозмездной основе, в отношении лиц, не обладающих возможностью оплачивать юридические услуги. Но, даже соблюдая это условие, нецелесообразно возлагать на жалобщика, вне зависимости от наличия у него профессионального статуса, обязанность указать конкретные существенные нарушения норм права или противоречие единой судебной практике, которые соответствуют основаниям кассационной и надзорной проверки.

Востребованность энергичных действий судебных инстанций высокого уровня, которую не нужно связывать со степенью аналитической глубины жалобы, обусловлена еще и патологическим характером уже не только материальных, но и процессуальных правоотношений. Поэтому любое предположение о наличии судебной ошибки должно не отвергаться через призму злоупотребления процессуальным правом, проявления сутяжничества и нарушения правовой определенности, а быть внимательно изучено через призму угрозы оставления в силе неправосудного акта.

Известно, что двух правильных решений не бывает, поэтому несогласие одной из сторон, нашедшее поддержку в вышестоящей инстанции, говорит о неправильности первого судебного акта. Это несогласие не должно игнорироваться, даже несмотря на вступление судебного акта в силу.

Важно не принуждать стороны безусловно и всегда соглашаться с принятым судебным решением только потому, что оно вступило в законную силу. Обратный подход культивирует ошибочную презумпцию правильности любого вступившего в силу решения, которая в условиях современных проблем, сопровождающих правосудие, крайне опрометчива.

Этот вывод подтверждается тем, что сегодня возможность проверки судебных актов любой инстанцией носит инициативный характер, т. е. зависит исключительно от волеизъявления сторон. Конечно, это изменение следует признать положительным. Однако отказ от прокурорских протестов как дополнительного повода для начала проверочной деятельности при всей разумности этой идеи, а также передача инициативы по возбуждению пересмотра судебных актов только лицам, участвующим в деле, в совокупности с ползучим ограничением их доступа в вышестоящие инстанции представляются крайне негативными. Имея в виду необходимость исправления всех существенных ошибок, нецелесообразно подавлять оставшуюся единственную инициативу сторон.

Принцип правовой определенности уязвим с точки зрения своей состоятельности еще и потому, что требует от национальных систем правосудия не только быстрого и правильного разрешения спора, что само по себе в целом не подвергается сомнению, но и такого же исправления судебных ошибок — с первого раза и одной судебной инстанцией. Отступления от этого пожелания расцениваются

как отступления от правовой определенности, а значит, от верховенства права и права на судебную защиту. Подобный подход представляется идеалистическим и если не оторванным от реалий отечественного правосудия, то преждевременным для его буквального привнесения на российскую почву.

Призывы Комитета министров Совета Европы и ЕСПЧ исправлять судебные ошибки ординарными средствами, т.е. апелляцией, следует адресовать не сторонам, а суду, поскольку стороны эти ошибки не исправляют. В свою очередь, стороны не должны нести неблагоприятные последствия в отношении своего спора в виде ограничений права на кассационное и надзорное обжалование, если допущенные нарушения и ошибки не исправлены первичной проверочной инстанцией.

Действительно, апелляция обязана проявлять максимальную активность и использовать все предоставленные ей процессуальным законом полномочия, с тем чтобы, проверив обжалуемое решение, поставить точку в споре. Однако не следует подталкивать судебную систему к формально быстрому рассмотрению спора в ущерб правильности его разрешения. В противном случае законное ожидание одной из сторон, последовательно защищаемое ЕСПЧ, уже перестанет быть таковым. Законное ожидание, основанное на судебной ошибке, охране не подлежит.

Сигналом к поиску потенциальных нарушений выступает именно наличие двух противоположных точек зрения на принятый судебный акт. Мотивированное несогласие сторон с итоговым постановлением заслуживает внимания суда, невзирая на факт вступления подобного судебного акта в законную силу. Повторное рассмотрение дела обусловлено не банальным желанием одной из сторон пересмотреть его, а порой настолько негодным его рассмотрением предыдущими инстанциями, что корректирующим вмешательством кассационной или надзорной инстанции с ходу не обойтись.

Даже совсем иные мотивы обжалования, которые двигали одной из сторон и впоследствии были отвергнуты судом, могут привести к обнаружению других погрешностей, о которых никто из участников процесса не догадывался и не указывал их в своей жалобе. В связи с этим проверочным инстанциям при рассмотрении жалобы не следует полагаться исключительно на доводы подавшей ее стороны.

Длительный или неопределенный срок рассмотрения дела различными судебными инстанциями как признак нарушения правовой определенности также подлежит переоценке с учетом специфики отечественного судопроизводства. Данный признак неприменим к российскому цивилистическому процессу по основной причине: отечественная модель правосудия на уровне закона предусматривает конкретные сроки обращения в каждую судебную инстанцию и конкретные сроки рассмотрения дела каждой из них без исключений. При этом законные сроки судебного разбирательства носят не рекомендательный, а обязательный характер. Они выступают основными критериями того, была ли допущена судебная волокита по конкретному делу.

Иными словами, Российская Федерация — один из немногих участников Совета Европы, где на уровне закона установлен не абстрактный критерий разумности срока судебного разбирательства во всех инстанциях, а конкретные периоды, которые по большинству рассматриваемых гражданских, административных и экономических дел соблюдаются. Например, в 2017 г. количество гражданских и административных дел, рассмотренных судами первой инстанции с нарушением сроков

судебного разбирательства, составило 4,5 %, а экономических споров — 3,4 % (Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2017 г. Москва, 2018. Дата обращения 6 апреля, 2020. http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2018/Obzor_sudebnoy_statistiki_SOYu_2017.pdf; Сводный отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации в 2017 г. Дата обращения 10 января, 2019. <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>).

Сам по себе факт наличия законного срока судебного разбирательства предполагает более высокий уровень процессуальных гарантий по сравнению с теми правовыми системами, которые подобного срока не предусматривают. Законный срок, который носит не рекомендательный, а обязательный характер, не только на качественно ином уровне предотвращает проблему судебной волокиты, но и определяющим образом влияет на получение выигравшей дело стороной законного ожидания, не делая такое ожидание неопределенным. Завершение конструирования в последние годы системы судебных инстанций и проверочных производств среди многих изменений ознаменовалось закреплением в законе процессуальных сроков обращения с жалобой и ее рассмотрения каждой судебной инстанцией, чего не было в отношении многочисленных надзорных инстанций советского периода.

В государствах — участниках Совета Европы конкретные сроки судебного разбирательства не установлены, используется абстрактный критерий разумности сроков, который определяется обстоятельствами каждого дела, т. е. происходит обширное применение дискреционного усмотрения суда в отношении оптимальной скорости разрешения спора. При таком подходе угроза неполучения стороной законного ожидания гораздо выше, чем в условиях российского судопроизводства.

Кроме того, инстанционный цикл, т. е. прохождение всех судебных инстанций в гражданском, арбитражном и административном процессе, занимает в среднем около одного года, что по европейским меркам представляет чрезвычайно высокий показатель. По этой причине даже обращение во все возможные судебные инстанции отсрочивает получение стороной предмета материально-правовых притязаний вовсе не дольше, чем рассмотрение дела двумя ординарными инстанциями в одной из других стран Совета Европы.

Российский подход к процессуальным срокам сам по себе исключает возможность произвольного и неопределенного во времени процесса обжалования судебных актов, который, по мнению ЕСПЧ, является результатом тривиального сутяжничества сторон, направленного на пересмотр вступившего в силу судебного акта. Подобный вывод также игнорирует поступательный характер проверки судебных актов в российском гражданском процессе, который обязывает стороны исчерпать предшествующие средства обжалования до обращения к последующим и сводит к минимуму бесконечное обжалование.

В любом случае нет потребности в такой правовой определенности, которая достигнута необоснованной спешкой, несет в себе риск совершения, оставления в силе и самое главное — тиражирования существенных судебных ошибок.

Требует переоценки такой элемент правовой определенности, как допустимые пределы вмешательства суда третьей и последующих инстанций в уже разрешенное дело: необходимость исправления судебных ошибок, неправильного отправления правосудия, а не пересмотра судебного акта. Исключение из этого правила, по мнению ЕСПЧ, представляют обстоятельства существенного и непреодолимого

характера — серьезные нарушения норм процессуального права или злоупотребление полномочиями. К подобным существенным обстоятельствам Суд относит нарушения правил подсудности, ошибки в вопросах факта, но не признает в качестве таковых несогласие вышестоящей проверочной инстанции с оценкой фактических обстоятельств, данной нижестоящей проверочной инстанцией. (Постановления ЕСПЧ от 07.02.2012 «Дело “Шановы (Shanovy) против Российской Федерации”», жалоба № 21834/05; от 14.02.2008 «Дело “Пшеничный (Pshenichnyy) против Российской Федерации”», жалоба № 30422/03; от 04.03.2010 «Дело “Андреев (Andreyev) против Российской Федерации”», жалоба № 32991/05).

Практически все системы судопроизводства стран — участниц Совета Европы устанавливают возможность пересмотра дела любой судебной инстанцией в целях исправления судебных ошибок и нарушений процессуального характера, свидетельствующих о нарушении права на суд. Иными словами, основанием для пересмотра дела как в части, так и полностью являются существенные судебные ошибки, т.е. любые пороки в вопросах факта и права, которые повлияли на правильное разрешение дела по существу, повлекли принятие ошибочного судебного постановления. К фундаментальным судебным ошибкам следует отнести все подобные ошибки вне зависимости от того, по чьей вине они допущены.

Большинство национальных цивилистических процессуальных форм давно содержит подход о бережном отношении к судебному решению, которым верно разрешен спор, но которое имеет некоторые недостатки в вопросах применения материального или процессуального права. Это объясняется стремлением законодателя отойти от формализма судопроизводства в его крайних проявлениях, никак не связанных с необходимостью защиты нарушенного права. Необходимо помнить, что проверочная инстанция, тем более та, которая преодолевает законную силу судебного акта, в силу своей специфики не будет устранять несущественные ошибки. Никто не подвергает сомнению недопустимость преодоления законной силы судебных актов по малозначительным поводам (Фурсов 2014, 213).

Несущественные ошибки (те, которые не привели к принятию ошибочного судебного акта) исправлять не требуется, в противном случае имел бы место формальный подход, не совместимый с целями судопроизводства. Когда в отечественной доктрине и практике речь идет о необходимости исправления судебных ошибок, традиционно имеются в виду только существенные нарушения. Очевидно, что обнаруженные кассационной и надзорной судебными инстанциями существенные ошибки требуют реагирования и исправления, невзирая на необходимость преодоления законной силы обжалуемого судебного акта. Но такой подход ставит под сомнение ценность принципа правовой определенности в этой части.

Существенная судебная ошибка не имеет сроков давности. Латентные ошибки (те, которые не раскрыты судебной системой) так же опасны, как и латентная преступность. Помимо индивидуальных негативных последствий для сторон, важно и то, что такие ошибки тиражируются другими судами до тех пор, пока одна из проверочных инстанций не исправит ситуацию. Такая опасность имеется, например, когда не выработан правоприменительный подход или не дана правовая оценка обстоятельствам, возникшим в связи с принятием и вступлением в силу новых положений закона. Аналогичный подход применим к случаям несогласия кассационной или надзорной судебных инстанций с оценкой фактов и доказа-

тельств по делу, даже если жалобщик повторяет свои доводы вышестоящему суду. Например, не следует расценивать в качестве нарушения правовой определенности деятельность судов кассационной инстанции по оценке достоверности и достаточности собранных нижестоящими судами доказательств, поскольку кассация, давая иную юридическую оценку уже имеющимся в деле доказательствам и установленным обстоятельствам, во-первых, разрешает вопросы права, которые изначально закреплены за кассацией законом, а во-вторых, исправляет устранимые ошибки без направления дела на новое рассмотрение в суды первой или апелляционной инстанции (Обзор судебной практики Верховного суда РФ № 5 (2017), утв. Президиумом Верховного суда РФ 27.12.2017). Такой подход в кассационной практике нужно признать оправданным и пропорциональным, поскольку полномочия, которые реализует суд кассационной инстанции, дифференцированы и применяются в соответствии с характером исправляемых судебных ошибок.

Необходимо также иметь в виду, что не все нарушения процессуального характера, даже так называемые безусловные процессуальные обстоятельства, внешне свидетельствующие о нарушении права на суд, обладают прямой причинно-следственной связью с фактом неправильного рассмотрения спора по существу. Их наличие автоматически не говорит об ошибочности судебного акта в целом. По этой причине они носят условный характер и требуют судебной оценки в каждом конкретном деле на предмет своего определяющего влияния на правильность его разрешения (Князькин 2018).

Понимание, практическая конкретизация существенных и непреодолимых обстоятельств как оснований для отхода от принципа правовой определенности отдаются на откуп национальным властям. Применительно к инстанционным способам проверки судебных актов в отечественном законе и практике сложился ограничительный подход, который затрудняет исправление ошибочных постановлений. Отправной точкой ограничительной закономерности стало преобразование в 2002 г. надзорной инстанции в арбитражном процессе, когда она была ограждена от необходимости проверки законности и обоснованности судебных актов как в прежние годы и сосредоточилась только на аналитической функции. С сожалением следует констатировать, что аналогичная проблема возникла и у кассационной инстанции, где идет борьба подходов о наличии или отсутствии необходимости корректировки ею вопросов факта. В действительности любая попытка законодателя конкретизировать перечень обстоятельств, которые являются основанием для вмешательства высших судебных инстанций в дело, приводит к их почти полной пассивности.

О существенности обстоятельства можно судить только после судебного установления факта нарушения и его влияния на правильное разрешение дела по существу. Предварительный этап фильтрации жалоб во второй кассационной и надзорной судебных инстанциях не позволяет рассмотреть дело по существу и сделать точный вывод о существенности предполагаемых нарушений. Это приводит к формированию серой судебной практики, сомнительной с точки зрения не только ее эталонного характера, но и правильности.

Обратим внимание на институт должностных лиц Верховного суда РФ, который сохранен в рамках деятельности второй кассационной и надзорной инстанций и который до сих пор негативно оценивается ЕСПЧ на пути соблюдения правовой определенности и признания суда надзорной инстанции в гражданском, ар-

битражном и административном процессе в качестве эффективного средства правовой защиты (Решение ЕСПЧ от 12.05.2015 «По вопросу приемлемости жалоб № 38951/13 и № 59611/13 дел “Роберт Михайлович Абрамян (Robert Mikhaylovich Abramyan) против Российской Федерации” и “Сергей Владимирович Якубовский и Алексей Владимирович Якубовский (Sergey Vladimirovich Yakubovskiy and Aleksey Vladimirovich Yakubovskiy) против Российской Федерации”»). По этой причине ЕСПЧ признает достаточность исчерпания средств второй кассационной инстанции в лице профильной коллегии Верховного суда РФ.

Не вступая в дискуссию с ЕСПЧ, мы считаем важным оценить сохранившийся институт должностных лиц не только на предмет соответствия правовой определенности, но и на предмет его роли в исправлении ошибочных судебных актов.

Сегодня имеются две формы участия председателя и заместителя председателя высшего судебного органа в кассационном и надзорном производстве. Первая форма носит восстановительный характер и связана с согласием или несогласием должностных лиц с определением судьи Верховного суда РФ о восстановлении пропущенного срока подачи кассационной или надзорной жалобы или определения об отказе в передаче жалобы в судебное заседание второй кассационной или надзорной судебной инстанции. Вторая форма более самостоятельна и применяется только в рамках надзорного производства, когда его инициирование осуществляется должностными лицами по основаниям, формально отличным от общих надзорных оснований изменения или отмены судебных актов (ст. 391.11 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее — ГПК РФ) от 14.11.2002 № 138-ФЗ и ст. 308.10 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее — АПК РФ) от 24.07.2002 № 95-ФЗ).

Представители отечественной процессуальной доктрины преимущественно критически относятся к сохранению данного института, в той или иной мере развивая идею ЕСПЧ о недопустимости вмешательства руководства Верховного суда РФ в процессуальную деятельность по пересмотру судебных актов в кассационном и надзорном порядке, поскольку подобное вмешательство никак не ограничено во времени (Борисова 2013; Парфирьев 2011; Терехова 2016).

Обратим внимание на то, что ЕСПЧ, признав вторую кассацию в качестве эффективного средства правовой защиты, отказал в подобном выводе надзорной инстанции, обладающей таким же процессуальным режимом. Вывод о неэффективности процессуального средства в целом не может приниматься только на основании оценки его дополнительного элемента, которым является институт должностных лиц. Статистические данные подтверждают, что к данному институту в рамках производства во второй кассационной инстанции стороны прибегают относительно редко: в 2017 г. всего по 66 кассационным жалобам по гражданским и административным делам из 7986 жалоб, переданных для рассмотрения по существу, применен институт должностных лиц. Это свидетельствует о преимущественном использовании основного механизма возбуждения кассационного производства. В рамках надзорного производства данный институт не используется вовсе (Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских дел, административных дел в кассационном порядке за 12 месяцев 2017 г.; Отчет о работе Верховного суда РФ по рассмотрению гражданских дел, административных дел в надзорном порядке за 12 месяцев 2017 г. Дата обращения 10 января, 2019. <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476>).

Невзирая на статистические данные, которые подвержены изменениям, отметим, что условия, при которых принцип правовой определенности в части института должностных лиц появился в отечественных условиях, существенно отличаются от современных.

Во-первых, возможность должностных лиц по пересмотру вступивших в силу судебных актов в течение последних 20 лет сведена к минимуму и, как отмечено выше, носит сугубо вспомогательный, а не основной характер. Это позволяет говорить о невозможности оценивать данный институт как самостоятельное средство правовой защиты с точки зрения его временной продолжительности и эффективности в целом.

Во-вторых, полномочия должностных лиц Верховного суда РФ не являются собственно дискреционными, поскольку первичная инициатива по возбуждению надзорного производства исходит от участвующих в деле лиц, хотя она и адресована не напрямую суду надзорной инстанции, а опосредованно через этих должностных лиц. В обеих формах участия должностных лиц — сопутствующей или самостоятельной — реализация полномочий происходит в рамках единого инстанционного цикла кассационного и надзорного производства, предусматривающего конкретные сроки подачи и рассмотрения жалобы этими должностными лицами. Данный вывод подтвержден Конституционным судом РФ (Постановление Конституционного суда РФ от 12.07.2018 № 31-П «По делу о проверке конституционности ч. 8 ст. 291.6 АПК РФ в связи с жалобой открытого акционерного общества «Волгоцеммаш»»). В соответствии с теми же критериями правовой определенности это позволяет определить финальную точку в производстве по делу. Увеличенный срок обращения к руководству Верховного суда РФ для инициирования пересмотра судебных актов в порядке надзора по самостоятельным основаниям изначально является конкретным, а не неопределенным, что позволяет спрогнозировать окончание надзорного производства.

В-третьих, процессуальная роль должностных лиц тождественна процессуальной роли рядовых судей Верховного суда РФ, поэтому их опосредованное участие в деятельности кассационной и надзорной судебных инстанций не искажает их первоначальную природу. Как наличие, так и отсутствие института должностных лиц в рамках второй кассационной и надзорной инстанций не влияет на их ограниченно доступный характер в виде предварительного этапа — фильтра жалоб.

В-четвертых, цели участия должностных лиц, установленные ст. 391.11 ГПК РФ и 308.10 АПК РФ, и цели пересмотра, закрепленные в основаниях изменения или отмены судебных актов в порядке надзора, представляются тождественными. Содержание данных оснований отражает естественную направленность надзорной инстанции на исправление фундаментальных судебных ошибок, а не только на аналитическую работу, что само по себе абсолютно уместно и отвечает конечным целям правосудия.

По этой причине представляются заблуждениями выводы о том, что для руководства высшей судебной инстанции закон предусматривает самостоятельные основания для внесения представления о пересмотре судебных постановлений в порядке надзора, что еще более негативно влияет на правовую определенность и расширяет дискрецию. Попытки законодателя ограничить содержание формулировок подобных оснований только так называемыми существенными обстоятель-

ствами, нарушениями конституционных и международных норм права заведомо безуспешны и вредны для проверочной судебной деятельности. Это касается не только оснований вмешательства должностных лиц, но и общих оснований пересмотра судебных актов в порядке надзора.

Основное негативное последствие — предоставление кассационной и надзорной судебным инстанциям права отказать в пересмотре со ссылкой на отсутствие у них компетенции, что влечет их пассивность. Например, в 2017 г. Президиум Верховного суда РФ не рассмотрел ни одного дела в порядке надзора (Отчет о работе Верховного суда РФ по рассмотрению гражданских дел, административных дел в надзорном порядке за 12 месяцев 2017 г. Дата обращения 10 января, 2019. <http://www.cdcp.ru/index.php?id=79&item=4476>).

Взаимосвязанным аспектом следует признать ограничительное толкование судом обстоятельств конкретного дела применительно к законным основаниям, которое опять-таки влечет отказ в рассмотрении жалобы по существу. Главные причины подобной ситуации — абстрактный характер оснований пересмотра, широкие возможности суда для разной квалификации обстоятельств дела как соответствующих этим основаниям, так и не соответствующих. Суд может избрать любой из этих двух вариантов, но практика свидетельствует о преобладании ограничительного подхода, препятствующего рассмотрению дел по существу.

Институт должностных лиц нужно оценивать не только с точки зрения соответствия принципу правовой определенности, но и с точки зрения его роли в исправлении судебных ошибок. Действительно, основной причиной, по которой данный институт предлагается к упразднению, является его противоречие процессуальной природе права на судебную защиту ввиду смешения организационной и процессуальной деятельности. В то же время необходимо понять причины, по которым полномочия должностных лиц сохранены. Прежде всего, это отсутствие гарантий безошибочного разрешения дела, даже того, которое дошло до последней проверочной инстанции. В связи с этим институт должностных лиц следует оценивать не как проявление избыточного контроля государства в сфере правосудия и вмешательства в частные интересы, а как временную дополнительную гарантию правосудности обжалуемых судебных актов, которую пока сложно достичь в автоматическом режиме.

3. Выводы

Право на исправление ошибочного судебного акта как обязательный компонент права на судебную защиту предполагает наличие процессуальных средств, исключающих возможность оставления в силе и исполнения ошибочного судебного постановления. Данная установка изначально исключает любые формальные критерии проверочной судебной деятельности. Необходимость сохранения в силе любого вступившего в законную силу судебного акта независимо от его правосудности как критерий правовой определенности носит формальный характер и не учитывает множество законодательных исключений из общего порядка преодоления законной силы судебного решения. Формальный характер правовой определенности, препятствующий праву на судебную защиту, подтверждается еще и ошибочным пониманием злоупотребления процессуальным правом. В соответствии

с таким пониманием распорядительные действия сторон на стадии проверки вступивших в силу судебных постановлений, совершаемые на основании процессуального закона, признаются противоправным поведением. Заблуждение сторонников злоупотребления процессуальным правом состоит в том, что подобное поведение направлено на позднее раскрытие доказательств и на банальное несогласие с результатом рассмотрения дела первой и апелляционной инстанциями, а не на то, чтобы доступными средствами устранить проигнорированные нижестоящими судами нарушения.

Понимание правовой определенности не соответствует срочному характеру отечественного судопроизводства, когда любой спор подлежит рассмотрению любой инстанцией в установленные законом сроки, носящие обязательный, а не рекомендательный характер. По этой причине временная неопределенность одной из сторон по получению законного ожидания минимальна. Поводом для преодоления законной силы судебного акта всегда выступают существенные судебные ошибки, повлиявшие на правильность разрешения спора по существу, а несущественные ошибки не служат основанием для уничтожения правильного по существу результата правосудия в первой и апелляционной инстанциях.

Принцип правовой определенности несостоятелен также в отношении института должностных лиц Верховного суда РФ в кассационном и надзорном производствах. Необходимо признать обязательной инициативу сторон как условие реализации должностными лицами процессуальных полномочий, наличие установленных законом временных рамок реализации этой инициативы, ограниченное общим сроком движение дела в одной судебной инстанции, а также фактическую тождественность целей участия должностных лиц в кассационной и надзорной проверках. С учетом этих обстоятельств представляется возможным рассматривать в качестве сопутствующего характер этого института, что не дает возможности на его основании оценивать эффективность кассационного и надзорного средств судебной защиты в целом.

Изложенное позволяет сделать общий вывод о том, что принцип правовой определенности, рассматриваемый как наднациональный стандарт правосудия, выступающий критерием эффективности инстанционных средств судебной защиты и используемый отечественными судами при проверке судебных актов, целесообразно рассматривать как не подлежащий применению.

Библиография

- Банченко-Любимова, Клавдия С. 1959. *Пересмотр судебных решений в порядке надзора*. М.: Госюриздат.
- Борисова, Елена А. 2013. «Развитие норм ГПК РФ о проверке и пересмотре судебных постановлений: теория и практика». *Вестник гражданского процесса* 4: 56–82.
- Васьковский, Евгений В. 1913. *Курс гражданского процесса. Т. 1: Субъекты, объекты процесса, процессуальные отношения и действия*. М.: Типо-литография товарищества И. Н. Кушнерев и Ко.
- Жуйков, Виктор М., Василий К. Пучинский, Михаил К. Треушников, Елена А. Борисова, Елена В. Кудрявцева, Владимир М. Шерстюк, Валерий В. Молчанов, Игорь К. Пискарев. 2003. *Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный)*. М.: Городец.
- Князькин, Сергей И. 2018. «Условный характер безусловных процессуальных оснований отмены судебных актов в цивилистическом процессе». *Арбитражный и гражданский процесс* 6: 49–54.

- Лесницкая, Лидия Ф. 1999. «Концепция развития гражданского процессуального законодательства». *Журнал российского права* 5–6: 10–17.
- Нечаев, Василий И., Александр М. Гребенцов, Сергей Л. Дегтярев, Светлана К. Загайнова, Кузьма И. Комиссаров, Мария А. Куликова, Николай Г. Меркин, Наталия А. Панкратова, Александр Г. Плешанов, Ирина В. Решетникова, Екатерина Н. Сердитова, Елизавета А. Соломеина, Владимир Н. Худяков, Владимир В. Ярков. 2008. *Комментарий к гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации*. М.: Норма.
- Нешатаева, Татьяна Н. 2007. *Уроки судебной практики о правах человека: европейский и российский опыт*. М.: Городец.
- Олегов, Максим Д. 1999. *Проверяет ли суд надзорной инстанции обоснованность судебных постановлений?* М.: Издательство МСХА.
- Опалев, Рим О. 2009. «Переоценка обстоятельств и доказательств в практике арбитражных судов кассационной инстанции». *Арбитражный и гражданский процесс* 5: 25–28.
- Парфирьев, Дмитрий Н. 2011. «Эффективное надзорное производство в гражданском процессе: быть или не быть?». *Российская юстиция* 10: 34–38.
- Подшивалов, Тихон П. 2014. «Запрет злоупотребления процессуальными правами в арбитражном процессе». *Российская юстиция* 9: 17–20.
- Рехтина, Ирина В., Боловнев, Михаил А. 2014. «Отдельные аспекты ответственности за злоупотребления процессуальными правами». *Арбитражный и гражданский процесс* 9: 53–57.
- Тарасов, Игорь Н. 2018. «О некоторых проблемах злоупотребления в процессуальном праве». *Арбитражный и гражданский процесс* 12: 14–16.
- Терехова, Лидия А. 2016. «Современное состояние системы пересмотра судебных актов, вступивших в законную силу». *Вестник гражданского процесса* 1: 31–40.
- Трубников, Петр Я. 1997. «Судопроизводство в надзорной инстанции». *Законность* 10. СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 10 января, 2019. <http://www.consultant.ru>.
- Фурсов, Дмитрий А. 2013. *Очерки о личности, государстве, правосудии, или библейские наставления светскому человеку*. М.: Проспект.
- Фурсов, Дмитрий А. 2014. «Перспективы развития российского цивилистического процесса». *Вестник гражданского процесса* 4: 209–220.
- Фурсов, Дмитрий А., Ирина В. Харламова. 2009. *Теория правосудия в кратком трехтомном изложении по гражданским делам. Т. 2: Гражданское судопроизводство как форма отправления правосудия*. М.: Статут.
- Юдин, Александр В. 2006. «Классификация злоупотреблений процессуальными правами в гражданском судопроизводстве». *Арбитражный и гражданский процесс* 2: 25–32.

Статья поступила в редакцию 19 марта 2019 г.
рекомендована в печать 19 февраля 2020 г.

Контактная информация:

Князькин Сергей Игоревич — канд. юрид. наук, доц.; knyazkin-sergei@mail.ru

Problems of implementation of the principle of legal certainty in the framework of judicial verification activities in the civil process

S. I. Knyazkin

Russian State University of Justice,
69, Novocheremushkinskaya ul., Moscow, 117418, Russian Federation

For citation: Knyazkin, Sergey I. 2020. "Problems of implementation of the principle of legal certainty in the judicial verification activities in the civil process". *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 2: 319–341. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.205> (In Russian)

The article examines the problems of doctrinal approaches and practical implementation of the principle of legal certainty at the stage of verification of judicial acts in civil process. The principle of legal certainty was accepted by the Russian judicial system with Russia's accession to the Council of Europe. The development of this principle has been continued with the assessment by the European Court of human rights on the effectiveness of verification courts in civil procedural law. The criteria proposed for compliance with legal certainty have come into conflict with the need to correct erroneous judicial acts. The extension of the application of the principle of legal certainty has limited the procedural regimes of the supervisory and then cassation courts. Such a situation creates the possibility of ignoring judicial errors only on the grounds that the appealed judicial act has entered into legal force. The author analyzes the current domestic conditions of judicial verification and the revision of court decisions that have entered into force. The domestic judicial verification activity is of an urgent nature, which excludes the indefinite review of the judicial acts that have entered into force, since the implementation of such a review takes place within a single cycle, involving strict deadlines for appeal and its consideration. Verification of judicial acts in any member state of the Council of Europe, including the Russian Federation, is intended to correct significant judicial errors, and only on the initiative of the persons involved in the case. Given these circumstances, the conclusion can be made about the inapplicability of the principle of legal certainty as the evaluation of the effectiveness of the entire system of verification of judicial acts, or parts of its procedural means, and by the courts in the revision of court decisions that entered into legal force.

Keywords: legal certainty, significant judicial errors, appellate instance, cassation instance, supervisory instance, procedural regime, discretionary powers, instance verification methods.

References

- Banchenko-Liubimova, Klavdiia S. 1959. *Supervisory review of judicial acts*. Moscow, Gosizurizdat Publ. (In Russian)
- Borisova, Elena A. 2013. "The development of norms of GPK of the Russian Federation on the verification and the revision of judgments: theory and practice". *Vestnik grazhdanskogo protsess* 4: 56–82. (In Russian)
- Vas'kovskii, Evgenii V. 1913. *Civil procedure course. Vol. 1: The Subjects, objects, process, procedure, attitudes and actions*. Moscow, Tipo-litografiia tovarishchestva I. N. Kushnerev i Ko Publ. (In Russian)
- Zhuikov, Viktor M., Vasilii K. Puchinskii, Mikhail K. Treushnikov, Elena A. Borisova, Elena V. Kudriavtseva, Vladimir M. Sherstiuk, Valerii V. Molchanov, Igor' K. Piskarev. 2003. *Scientific and practical commentary to the Civil procedure code of the Russian Federation (article)*. Moscow, Gorodets Publ. (In Russian)
- Kniaz'kin, Sergei I. 2018. "The conditional nature of the unconditional procedural grounds for the abolition of judicial acts in the civil process". *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess* 6: 49–54. (In Russian)
- Lesnitskaia, Lidiia F. 1999. "The concept of development of civil procedural legislation". *Zhurnal rossiiskogo prava* 5–6: 10–17. (In Russian)
- Nechaev, Vasilii I., Aleksandr M. Grebentsov, Sergei L. Degtiarev, Svetlana K. Zagainova, Kuz'ma I. Komissarov, Mariia A. Kulikova, Nikolai G. Merkin, Nataliia A. Pankratova, Aleksandr G. Pleshanov, Irina V. Reshetnikova, Ekaterina N. Serditova, Elizaveta A. Solomeina, Vladimir N. Khudiakov, Vladimir V. Iarkov. 2008. *Comment to the civil procedure code of the Russian Federation*. Moscow, Norma Publ. (In Russian)
- Neshataeva, Tat'iana N. 2007. *Lessons of judicial practice on human rights: European and Russian experience*. Moscow, Gorodets Publ. (In Russian)
- Olegov, Maksim D. 1999. *Does the court of Supervisory instance check the validity of court decisions?* Moscow, MSkHA Publ. (In Russian)
- Opalev, Rim O. 2009. "Revaluation of circumstances and evidence in the practice of arbitration courts of cassation instance". *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess* 5: 25–28. (In Russian)
- Parfir'ev, Dmitrii N. 2011. "Effective Supervisory proceedings in civil proceedings: to be or not to be?" *Rossiiskaia iustitsiia* 10: 34–38. (In Russian)

- Podshivalov, Tikhon P. 2014. "Prohibition of abuse of procedural rights in arbitration proceedings". *Rossiiskaia iustitsiia* 9: 17–20. (In Russian)
- Rekhtina, Irina V., Bolovnev, Mikhail A. 2014. "Certain aspects of liability for abuse of procedural rights". *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess* 9: 53–57. (In Russian)
- Tarasov, Igor' N. 2018. "On some problems of abuse of procedural law". *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess* 12: 14–16. (In Russian)
- Terekhova, Lidiia A. 2016. "The current state of the system of review of judicial acts that have entered into legal force". *Vestnik grazhdanskogo protsessa* 1: 31–40. (In Russian)
- Trubnikov, Petr Ya. 1997. "Judicial proceedings in Supervisory instance". *Zakonnost'* 10. SPS "ConsultantPlus". Accessed 10 January, 2019. <http://www.consultant.ru>. (In Russian)
- Fursov, Dmitrii A. 2013. *Essays about personality, state, justice, or biblical exhortations secular man*. Moscow, Prospekt Publ. (In Russian)
- Fursov, Dmitrii A. 2014. "Prospects for the development of the Russian civil law process". *Vestnik grazhdanskogo protsessa* 4: 209–220. (In Russian)
- Fursov, Dmitrii A., Irina V. Kharlamova. 2009. *Theory of justice in a three-volume summary of civil cases. Vol. 2: Civil proceedings as a form of administration of justice*. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Yudin, Aleksandr V. 2006. "Classification of abuse of procedural rights in civil proceedings". *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess* 2: 25–32. (In Russian)

Received: March 19, 2019
Accepted: February 19, 2020

Author's information:

Sergey I. Kniazkin — PhD in Law, Associate Professor; knyazkin-sergei@mail.ru